

Читайте в серии
«Сказки темного города»:

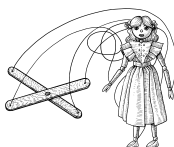
МАМА КУКОЛ

Продолжение следует...

МАЙЯ ЭДЛИН

МАМА КУКОЛ

Москва
2024

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Э21

Иллюстрация на обложке F3LC4T
Художественное оформление *Екатерины Ледковой*

Э21 **Эдлин, Майя.**
Мама кукол / Майя Эдлин. — Москва : Эксмо,
2024. — 416 с.

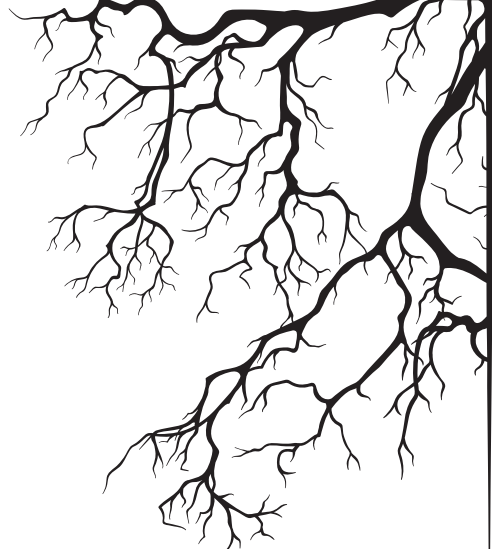
ISBN 978-5-04-188028-6

В таинственном городке, окутанном легендами и затерянном среди лесов, происходят странные вещи. У Нины пропадает сестра Эля, талантливая скрипачка. Ходят слухи, что виновна некая Брукса. Женщина с туловищем человека и лошадиными копытами. Нине предстоит выяснить, что произошло век назад, когда в городе появилась цыганка-кукольница Роза, наводившая страх на всю округу. Так чем же обернутся поиски и что в итоге станет с Ниной и ее семьей? Сможет ли девочка вернуть сестру или окажется жертвой мамы кукол?

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188028-6

© Эдлин М., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

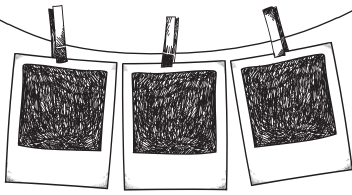

*Посвящается Лене.
Твое имя навсегда останется
шрамом на моем сердце.*

Часть первая
Сейчас

В нашем городе с незапамятных времен существует три кладбища — кладбище упокоения, кладбище искупления и кладбище забвения.

На первом спят вечным сном те, кто покинул наш бренный мир и отправился на небеса или в преисподнюю — словом, туда, где и должно оказаться бессмертным душам.

На втором хоронят тех, кому и после смерти суждено остаться среди живых. Их последнее пристанище запертано в лабиринте скал и обнесено частоколом железных прутьев с острыми наконечниками, чтобы никто не забрался в проклятый некрополь и — что намного важнее — чтобы никто из него не выбрался. Искупление... Да, именно его должны обрести запертые там мертвецы, вымалывая отпущение грехов вечным заточением в этом рукотворном аду. Самоубийцы, ведьмы, убийцы — все они заперты в каменном мешке среди трех безымянных скал — горожане так боятся этого места, что не дают им имен.

Вопреки тому ужасу, что внушает местным кладбище искупления, это красивейшее место, пышущий зеленью оазис среди ржавчины каменного пейзажа. Могилы утопают в обилии цветов, кото-

рые никто не сажал, будто сама природа пытается восстановить баланс между мерзостью и красотой, прикрывая все то зло, что гнездится под землей, обилием красок, буйно цветущих на поверхности. Несмотря на то что природа взяла уход за некрополем в свои руки, люди тоже присматривают за местными могилами, пусть и весьма неохотно. В городе не принято забывать своих усопших, неважно, кем они были при жизни.

Третье кладбище — кладбище забвения, самое необычное и самое жуткое из всех, ибо гробы на нем пустуют. Нет, не потому что люди из них поднялись и ушли, а потому что в них никого и не было. На этом кладбище похоронена память о пропавших без вести. Видите ли, в нашем городе пропавшего человека принято искать лишь до ближайшего полнолуния. Не успели найти за выделенное время — увы и ах, поиски прекращаются. И тогда на кладбище забвения устраиваются пышные похороны со всеми положенными почестями пустому гробу, над которым устанавливается надгробие с именем пропавшего, датой исчезновения и неизменным напутствием вместо эпитафии: «Покинув нас, не возвращайся». Да, в нашем городе не ищут пропавших. Почему? Потому что боятся найти.

Наш город — странное место. Затерянное среди заводов и гор, лесов и рек, болот и пещер, окутанное мистикой и сказаниями. Порождающее столь же странных, как и оно само, горожан, которые с молоком матери впитывают не только лю-

Мама кукол

бовь и уважение к этой земле, но и готовность следовать ее правилам, даже самым причудливым.

Но рассказ мой будет не о городе, а о четырех его дочерях — четырех подружках, в нем родившихся и выросших.

О Соне — чудесной девушке с янтарными волосами и аквамаринowymi глазами. Несмотря на репутацию забияки, она была доброй и нежно любила животных, мечтала посвятить им жизнь.

О Кристине — смуглой красавице с обсидиановыми кудрями и глазами цвета горького шоколада. С изгибами греческой вазы и вечно алеющими ранками на нервно искусанных губах. Она верила в мистику и пыталась отыскать послания в криках ворон и скрипе старых вишневых деревьев.

О Лиле — с серьезным видом взиравшей на свою несерьезную профессию. Она вся состояла из противоречий. С летними оттенками во внешности — пшеничными волосами, зелеными глазами, медовой кожей — она писала мрачные книжки и залиvisto смеялась каждый раз, когда малолетние поклонники отказывались верить, что она сочинила истории, пугавшие их перед сном.

И о Нине — упрямой брюнетке с задорной мальчишеской стрижкой и тяжелой челкой, ниспадавшей на прозрачно-серые глаза. За миром она наблюдала через объектив старых пленочных фотоаппаратов. Мечтала, что ее тихий голос обретет силу на страницах столичных газет, хотела стать журналисткой и делать репортажи о том, о чем болят сердце.

Майя Эдлин

Четыре судьбы. Четыре истории. Четыре подруги. Я — одна из них. И сегодня у меня свидание с оставшимися тремя.

На каждом из трех кладбищ.

Остановив велосипед у арочного входа, я поднимаю взгляд на пропитанные ржавчиной буквы, венчающие арку подобно короне, — *кладбище забвения*. Да, в нашем городе принято уважать почивших родственников, но о некоторых предпочтительнее забыть.

Перекидываю ногу через раму и прислоняю велосипед к частоколу железных прутьев. Еще не успела войти, а тоска на душе уже воет волком. Беру букет ромашек из корзинки и неторопливо прохожу под аркой, слушая мягкий шелест перешептывающихся сухих листьев. Как же я люблю это время года! Станным образом пора увядания пробуждает во мне жажду жизни. Каждый вдох хочется задержать в груди, позволив крови обогатиться осенью.

Прохожу мимо куста, где переливаются алыми бочками неизвестные мне ягоды. Рука тянется сорвать одну — сочную, спелую, — но знакомый голос в голове останавливает: *хорошие девочки не едят плоды, напитавшие сок из кладбищенской земли*. Я отдергиваю руку и с укором гляжу на бордовых соблаз-

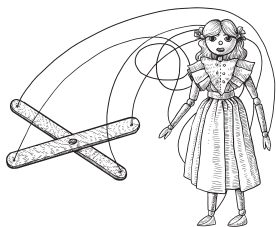
Мама кукол

нительниц — как не стыдно, ведь я почти попала! Огибаю куст, второй, сразу за покосившимся фонарем поворачиваю налево и дальше петляю по каменной тропинке, оцетинившейся побитыми буближниками.

На кладбище спокойно, как в лесу. Шелестят деревья, шуршат кленовые листья по бугристым тропинкам, соловьем заливается незнакомая птица, старательно мимикрируя под именитого сородича. Так спокойно. Умиротворенно. Кладбище, где нет ни одного покойника.

Я подхожу к могильному камню и провожу рукой по его щербатому срезу, стряхиваю истлевшие листья.

— Здравствуй, дорогая, — шепчу не громче, чем рябиновые листья у ее могилы. — Я вернулась.

Часть Вторая
20 лет назад